

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР,
№№ 1, 2, 4, 5; изд. АН СССР, М.—Л., 1940—1941 гг.

*№ 1. Археологические памятники Урала и Прикамья,
под редакцией П. Н. Третьякова*

Издание материалов и исследований по археологии СССР Академией Наук СССР является продолжением издания «Материалов по археологии России» Государственной археологической комиссии, которое было доведено до 20-х годов нашего века и представляется столь же необходимым для изучения древнейших эпох истории народов Советского Союза, как и публикация отчетов об археологических исследованиях.

В течение перерыва в издании материалов по археологии нашей страны, который длился до 1940 г., накопилось много неопубликованных работ, вследствие чего почти одновременно были подготовлены к печати несколько томов материалов по археологии СССР.

В первом томе «Материалов» представлены результаты археологических работ в очень обширной области, которая распадается на несколько районов, отличающихся большим своеобразием как в географическом, так и в культурном отношении. Следует выделить: 1) район среднего Урала, с его торфяниками, где развилась оригинальная Шигирская культура, памятники которой в других районах Приуралья неизвестны; 2) лесной район Верхней Камы, где была исследована большая группа памятников конца неолита и эпохи бронзы; позднее, в начале нашей эры здесь же были сосредоточены древние жертвенные места—«костища» и основная масса находок восточного серебра, а в X—XIII вв. локализовалось многочисленное и богатое племя, которое М. В. Талицкий отождествил с племенем «вису» арабских источников—предками современных коми-пермяков; 3) лесостепной район Средней и Нижней Камы, Вятки, отчасти и Белой, где в эпоху раннего железа (в I тысячелетии до нашей эры и начале нашей эры) развились и были широко представлены ананьинская и пьяноборская культуры с их укрепленными поселениями—«городищами» и богатыми могильниками; 4) наконец, район степного Приуралья, где были исследованы памятники конца эпохи бронзы—андроновские могильники и более поздние скифские и сарматские курганы. Однако отдельные работы в сборнике сгруппированы не по районам, а по хронологическому признаку.

Археологический материал из раскопок древних памятников Урала и Прикамья, собранный в 20-х — 30-х годах настоящего столетия рядом советских ученых (А. В. Шмидт, Д. Н. Эдинг, Н. А. Прокошев, П. А. Дмитриев, М. В. Талицкий, К. В. Сальников, Г. В. Подгаецкий и др.), далеко не исчерпывается опубликованным в I томе «Материалов». Напротив, в этот том вошли лишь некоторые, сравнительно

небольшие, работы, а часть материалов, особенно из раскопок последних лет перед Отечественной войной, пока еще не вся обработана.

Статьи, помещенные в первом томе, представляют собой или отчеты о раскопках, или работы монографического характера, посвященные отдельным памятникам. Наиболее полно представлены результаты исследования древних поселений I тысячелетия до н. э. Значительно беднее освещены материалы памятников I тысячелетия н. э. Не исчерпывая всех результатов археологических работ за последние десятилетия, сборник вводит в научный оборот большой археологический материал.

Наиболее интересными и важными работами, содержащими сводку материала по определенным вопросам, являются статья Н. А. Прокошева—«К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья» и работа Л. А. Мацулевича—«Византийский антик в Прикамье».

Один из наиболее трудных и сложных вопросов древнейшей истории народов Прикамья—это проблема Камского неолита. До открытия Островской палеолитической стоянки отдельные исследователи иногда высказывали мнение, что бассейн Камы был заселен человеком сравнительно поздно—в эпоху бронзы. После открытия следов заселения человеком берегов р. Чусовой в верхнем палеолите с особой остротой встала перед исследователями Урала и Приуралья необходимость усиленных поисков следов неолитических памятников, тем более, что довольно большое количество каменных орудий, происходящих из Прикамья, было давно известно в науке.

Первая из названных работ содержит сводку материалов с поздненеолитических стоянок в районе устья р. Чусовой, собранных во время полевых работ А. В. Шмидта и Н. А. Прокошева. В этом районе находилась группа более или менее одновременных поселений, расположенных отчасти на краю второй надпойменной террасы, отчасти на южных возвышениях у водоемов. Большинство стоянок сильно разрушено и дало очень незначительный материал. Наиболее сохранившаяся и в то же время наиболее древняя и хорошо исследованная стоянка—Левшинская, близ ст. Левшино Горнозаводской жел. дороги. Здесь было найдено значительное количество кремневых орудий и обломков глиняной посуды, вскрыто 2 кострища. Кремневые орудия—преимущественно мелкие, микролитического облика, на ножевидных пластинках. Но встречаются и более крупные формы и орудия на отщепках; имеются обломки полированных орудий. Довольно много каменных грузил. Глиняная посуда нескольких типов: большие сосуды с округлым или коническим дном, более мелкие сосуды той же формы и небольшие плоскдонные. Орнамент состоит, главным образом, из вдавленных зубчатого штампа, образующих различные узоры, покрывающие весь сосуд, ямки встречаются редко. Наиболее интересные находки—медное шило и нож катакомбного типа. Однако весь облик хозяйства рыболовческо-охотничьего типа, отсутствие следов металлургии и анализ каменных орудий заставили Н. А. Прокошева, так же как и раньше А. В. Шмидта, отнести стоянку к поздненеолитической или энеолитической эпохе, когда металлические предметы были привозные, слишком дороги и слишком редки для того, чтобы изменить облик культуры, по существу неолитической. Время бытования стоянки определяется как конец III—начало II тысячелетия до н. э.

Таким образом, в работе Н. А. Прокошева установлено существование в районе устья р. Чусовой группы поздненеолитических и энеолитических памятников. Но этим не снимается необходимость продолжать поиски более ранних памятников неолита в Прикамье.

Новые находки на Горбуновском жертвенном месте, памятнике мирового значения, описанные в статье Д. Н. Эдинга, не изменяя прежнего основного положения автора о том, что вскрытое им свайное сооружение является остатком жертвенного места, сильно расширяют представления о материальной культуре родового общества на восточном склоне Урала в эпоху бронзы. В этом смысле особенно интересны находки деревянной змеи, бронзового вислообушного топора, глиняного грузила, круглодонных сосудов и половники литой формы для наконечника копья. Последняя была найдена в более высоких горизонтах торфа вместе с керамикой, по форме и орнаменту сильно отличающейся от керамики нижнего горизонта, что дает Д. Н. Эдингу основа-

ние считать этот комплекс более поздним. Глиняное грузило совершенно идентично с грузилами стоянок Восточного Урала, исследованных П. А. Дмитриевым, и указывает на связь жертвенного места с бытовыми памятниками Урала. Следует отметить, что в русском тексте статьи весь комплекс находок из нижнего слоя датирован концом III—началом II тысячелетия до н. э., тогда как в резюме на французском языке дана другая дата, более соответствующая действительности: нижний слой отнесен к концу II тысячелетия до н. э. (основанием для такой датировки является и тип глиняной посуды и форма выскобленного топора). Верхний слой датирован ананьинской эпохой.

В статьях Н. В. Сальникова и Г. В. Подгаецкого описываются раскопки андроновских могильников в южном Приуралье—у с. Федоровки Челябинской области и близ г. Орска. Оба памятника отличаются некоторым своеобразием. Особенностью челябинской группы андроновских памятников являются погребения в земляных курганах и решительное преобладание трупосожжения над труположением. В инвентаре могильника близ г. Орска, как и в других погребениях этого времени в Орском районе, наблюдаются элементы западных культур эпохи бронзы—срубной и хвалынской, распространенных в степях от Нижнего Поволжья до Днепра, как это было отмечено М. П. Грязновым. Обе работы вводят в научный оборот новые исторические источники для суждения об истории Южного Приуралья во 2-й половине II тысячелетия до н. э.

Работы А. В. Збруевой о Галкинском и Свиногорском городищах—памятниках ананьинской культуры, с одной стороны, являются публикацией материала с вновь исследованного древнего поселения (Галкинское городище), с другой,—описанием новых небольших раскопок на давно известном Свиногорском городище. Анализ материала, полученного в результате работ на обоих объектах, позволяет определить время их обитания и поставить их в хронологический ряд укрепленных поселений ананьинской эпохи в бассейне Камы, а также установить тип хозяйства древнего населения этих городищ. Основными занятиями было земледелие и скотоводство, причем в состав стада входили все современные домашние животные—лошадь, корова, овца, свинья (в Свиногорье разводились преимущественно свиньи). Охота и рыболовство имели здесь второстепенное значение.

Работа Н. А. Прокошева «Селище у дер. Турбино» и К. В. Сальникова—«Сарматские курганы близ г. Орска»—представляют собой публикацию очень интересных новых памятников III—IV вв. н. э., расположенных в районе устья р. Чусовой и в Южном Приуралье. Первый памятник тесно связан с поселениями предшествующей ананьинской культуры этого района. Материалы из его раскопок и случайных находок дали возможность установить датировку, определить тип хозяйства древнего населения и позволили включить новое звено в цепь исторических документов по истории Прикамья. Памятники этого рода почти неизвестны в науке.

Сарматские курганы встречаются лишь в Южном Приуралье и образуют особую степную группу памятников, слабо связанных с основным населением бассейна Камы. Описанный К. В. Сальниковым курганный могильник представляет собой редкое явление для юго-западного Приуралья и связан с памятниками Нижнего Поволжья.

Такой же характер публикации свежего, мало известного и богатого материала, относящегося к X—XII вв. н. э., имеет работа М. В. Талицкого—«Кючергинский могильник». Работа прекрасно иллюстрирована. Очень интересна хронологическая таблица, показывающая аналогии вещам из могильника как в удмуртских, так и в некоторых славянских памятниках X—XII вв. Следует отметить, что, наряду с железными проушными топорами, копьями, наконечниками стрел и прочими поздними вещами, глиняная посуда имеет очень архаический вид и как по форме, так и по расположению орнамента несет на себе древние традиции ананьинской посуды. Из инвентаря мужских погребений особенно интересны поясные наборы из бронзовых, иногда посеребрённых бляшек, нашитых на ремень.

Работа Л. А. Мацулевича—«Византийский антик в Прикамье» имеет очень важное значение, так как содержит прежде всего описание всех известных в науке византийских серебряных сосудов, найденных в Прикамье. Анализ изображений на сосудах, подписей и клейм дает возможность автору работы датировать сосуды VI—VII вв.

н. э., а также определить место их изготовления. Разбор комплексов, среди которых были найдены сосуды (Турушевский клад, Усть-Кишертский клад), позволяет автору установить, что они попали в Прикамье сравнительно скоро после их изготовления,

высказать очень интересное предположение, что для константинопольского импорта в Прикамье имелись прямые пути через степные реки и волоки.

Чрезвычайно плодотворна мысль автора о том, что византийские (а также и иранские) композиции, попадая в Прикамье, получали осмысление из местной идеологии. Об этом свидетельствуют грубые местные рисунки, часто процарапанные изображения, нанесенные на привозных сосудах. Так, например, к изображению коня на одном из серебряных блюд, изданных в атласе «Восточное серебро», был пририсован всадник. Конечно, этот вопрос требует детальной разработки и выделения целого ряда образов, связанных с идеологией населения Прикамья в определенной эпоху.

Но Л. А. Мацулевич отмечает также, что было бы неправильно считать, что импорт в Прикамье византийских сосудов проходил бесследно, что даже верхушка общества относилась к художественной стороне их безразлично. Кроме сосудов, предметом торговли были пояса, пряжки, бляшки и другие изделия, которые широким потоком вливались в Прикамье и, таким образом, местные племена, по его мнению, были уже достаточно подготовлены к освоению образцов более высоких культур. Последнее положение еще нуждается в дополнительных доказательствах.

Будем надеяться, что в ближайшем будущем начнется публикация неизданных археологических материалов по Уралу и Прикамью, причем в следующих томах желательна несколько иная группировка, чем в первом томе. Более показательной и интересной следует признать группировку материалов по отдельным районам этой обширной области, которые в силу тех или иных причин отличаются своеобразием своего исторического развития.

А. В. Збруева

№ 2. Палеолит и неолит СССР

Выпуск второго тома «Материалов» совпал с тяжелым годом—началом Отечественной войны. Сборник не успел выйти в свет и только по окончании войны, пережив блокаду Ленинграда, поступил в продажу в 1945 г.

Содержание тома разнообразно и интересно.

Публикуемый В. А. Городцовым материал («Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки», стр. 7—25, с 5 табл. и 9 рис. в тексте) из его раскопок принадлежит памятнику, возраст которого вызвал большие разногласия среди исследователей. Причина этого кроется в недостаточно выясненной морфологии русского кремня. Появление таких орудий, как острокопечники с ретушью на обоих концах и резцы, а также призматических нуклеусов, В. А. Городцов рассматривает как признаки солиотрейской эпохи. Между тем в аналогичных материалах Франции и Палестины, датируемых мустьерской эпохой, можно уже отметить указанного типа орудия и нуклеусы. Это и дает основание датировать Ильскую стоянку позднемустьерским временем.

Две статьи П. И. Борисковского—«Палеолитическая стоянка Боршево (нижний культурный слой)» (стр. 37—60, с 9 табл. и 5 рис. в тексте) и «Кирилловская палеолитическая стоянка» (стр. 86—103, с 8 табл.) представляют собою публикации материалов, известных по предшествующим изданиям этих памятников. Первая из них дает наиболее полное издание Боршева II, не только по раскопкам автора, но и по дневниковым данным П. П. Ефименко, производившего раскопки этой стоянки в тече-